

водилъ комнатную прислугу въ красныхъ ливреяхъ и напудренныхъ волосахъ; страдая безсонницей, съ гусинымъ крыломъ въ руцѣ, самъ изгонялъ по ночамъ сатану изъ своего дома, окуривая ладаномъ и кропя святою водою нечистыя мѣста, гдѣ онъ могъ пріютиться, пѣлъ и читалъ въ церкви на клиросѣ, дома ежедневно держалъ монашеское келейное правило, но дружно жилъ съ женой, которая подарила ему 18 человекъ дѣтей, и, наконецъ, на 86-мъ году умеръ отъ апоплексическаго удара... Къ русской дѣйствительности этотъ ученый русскій служака сталъ какъ-то криво, нечаянно и больно ушибся головой объ ея уголъ и безъ особенной пользы, хотя и безъ вреда, всю остальную жизнь коптилъ небо“.

Отцы Онѣгиныхъ, — рассказываетъ дальше г. Ключевскій, — начинали воспитаніе при Елизаветѣ, кончали его при Екатеринѣ и доживали свой вѣкъ при Александрѣ. Нравы опять были другіе; послѣ ужасовъ бироновщины начать развиваться въ обществѣ „тонкій вкусъ во всемъ; и самая нѣжная любовь, подкрѣпляемая нѣжными и въ порядочныхъ стихахъ сочиненными пѣсенками, тогда получила первое надъ молодыми людьми свое господствіе“. Молодые дворяне 5—6 лѣтъ записывались въ военную службу, лѣтъ 15-ти производились въ офицеры и вступали въ общество, гдѣ господствовали пріятные французскіе обычаи. Законъ 1714 г. сохранялъ свою силу, и хотя ученіе не давало большихъ результатовъ, но становилось сословной привычкой и иногда прививало интересъ къ знанію. Въ домашнемъ воспитаніи все больше распространялся французскій языкъ, которому обучали французы гувернеры и гувернантки; воспитаніе завершалось путешествіемъ за границу, гдѣ русскій гвардейскій офицеръ, по желанію самой императрицы, посѣщалъ фернейскаго философа. Вернувшись въ Россію и бросивъ службу, онъ поселялся въ деревнѣ и предпочиталъ вести веселую жизнь, пока не приходилось думать о томъ, чтобы уберечься отъ окончательнаго разоренія. Съ русскою жизнью такой человекъ не имѣлъ ничего общаго; воспитанный подъ чужими вліяніями, онъ полагалъ себя европеемъ, считалъ необходимымъ строго держаться усвоенныхъ нѣкогда европейскихъ обычаевъ и, принадлежа къ сословию, владѣвшему большою долею производительныхъ силъ государства, не находилъ интереса въ русскихъ дѣлахъ, собственное хозяйство отдавалъ въ руки приказчика или иностранца въ видѣ управляющаго. „Съ дѣтства, какъ только онъ сталъ себя помнить, онъ дышалъ атмосферою, пропитанною развлеченіемъ, изъ которой обаяніями забавы и пріличія былъ выкурентъ самый запахъ труда и долга. Всю жизнь помышляя объ „европейскомъ обычаѣ“, о просвѣщенномъ обществѣ,